

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ЛУЧШИЕ МИРОВЫЕ
РЕТЕЛЛИНГИ»:

Ханна Уитген

ДИКОЛЕСЬЕ

ДОЧЬ ДЛЯ ВОЛКА

ДОЧЬ ДЛЯ ТРОНА

Э. К. Уайз

ДОРОГАЯ ВЕНДИ

Интисар Ханани

КОЛЮЧКА

Дж. Дж. А. Харвуд

ТЬМА В ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛЬКЕ

М. А. Казнир

ПОЛНОЧЬ В ЭВЕРВУДЕ

С. Т. Гибсон

КРОВАВОЕ ПРИДАНОЕ

Джессика С. Олсон

СПОЙ МНЕ О ЗАБЫТОМ

Екатерина Звонцова

ЭТО Я ТЕБЯ УБИЛА

ЭТО
Я ТЕБЯ
УБИЛА

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Иллюстрация на переплете *М. Лапиной*

Карта на нахзаце *Е. Звонцовой*

Звонцова, Екатерина.

3-43 Это я тебя убила / Екатерина Звонцова. — Москва :
ЭКСМО, 2023. — 736 с.

ISBN 978-5-04-180328-5

Наш мир устроен очень просто: слушайся богов Святой Горы, чти их правила — и с тобой ничего не случится.

Я всегда ненавидела правила. Потому что родилась одной из тех, кому отказали в долгой жизни. Принцесса Орфо Каператис. Волшебница в мире, где волшебники неизбежно умирают и сходят с ума.

От этой участи меня оберегал Эвер, мой гаситель, мой хранитель, мой друг. Теперь он в Подземье, в краю жутких тварей и теней, откуда нет возврата.

И это моя вина.

Чтобы спасти Эвера, я готова на все. Но даже если мне удастся спуститься в Подземье и выйти оттуда живой, вернется со мной в мир живых человек — или монстр?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180328-5

© Звонцова Е., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«ЭКСМО», 2023

Пролог

Скала смотрит. Смотрит, как он с трудом, припадая иногда на локти, движется. Под его ладонями и коленями жжется бледно-золотистый раскаленный песок.

Он ненавидит свет и синеву, режущие глаза, ненавидит боль в согнутой, искореженной спине, но куда больше ненавидит крики чаек, ласковый плеск волн и разнеженный говор. Визги. Хохот. Прочие звуки из хрупких глоток тех, кто думает, что им ничего не грозит. Топот босых пяток. Шум воды, в которой они возятся, как свиньи в грязи. Все ближе. Кто-то пьет вонючее терпкое вино, в котором колко бренчат ледышки, кто-то пожирает фрукты, обливаясь липким соком.

Они по уши в своем счастье, в своем душном, липком, глупом лете. Резвятся, жирные животные, настолько довольные, что пока даже не заметили его, да что там, его не заметил по пути никто, хотя разве это просто — пропустить человека на четвереньках? Вряд ли. Впрочем, если, попытаешь его задержать, ты умираешь... Ха-ха. Вот тогда-то ты его и *пропустишь*.

Он продвигается еще немного вперед, со лба падают на песок капли пота. Застывают темными точками, чуть светлеют и превращаются в паучков, которых он очень хотел бы проглотить или хотя бы посадить себе на спину, но некогда. Паучки подождут. У него дело, которое не терпит. Нужно успеть, пока не узнал брат.

Но потом он должен узнать обязательно. Должен. Ему придется.

— Смотрите! — мерзкий детский крик. — Кир ползет!

Он поднимает голову, взглядом вылавливая среди пары десятков отдыхающих на пляже любопытного ребенка, который смеет так визжать, да наверняка еще и тарашится и тычет пальцем. Находит. Девочка в коротенькой зеленой тунике, с крупной ракушкой в пухлой левой руке. Она застыла прямо посреди пляжа, подняла вторую руку в его сторону. Широко улыбается. Пары зубов нет. И пялится, правда пялится большими, выпуклыми, как у лягушонка, глазами.

— Кир, кир, кир! — взвизгивает она снова, так, будто видит что-то самое потрясающее в своей короткой жизни, и он ощущает еще несколько взглядов — от тех, кто в воде, тех, кто лежит возле пенящейся кромки, тех, кто дальше.

В этих взглядах уже не любопытство. Многие все понижают и начинают вставать.

— Эй, — чеканит какой-то мужчина. Аккуратно подходит сбоку. — Эй, вы... ты... — Бедолага даже притащил с собой меч. О боги, кто таскает мечи на пляж?.. Зато узнал. Узнал, это читается по округлившимся глазам и рту, из которого вылетает: — БЕГИТЕ!

Скала смотрит. Он чувствует ее выжидательный взгляд и чувствует, как смех и смерть, сдерживаемые годами, вскипают в груди и разливаются по рукам силой. От точек пульса до кончиков пальцев. Именно так. Хорошо. Кто-то правда бежит с криком при виде всего-то его вскинутых рук с сухощавыми, изгрызенными в мясо пальцами. Так еще лучше. Скоро они позовут брата. Они должны позвать брата. Брат должен вспомнить, ему будет что вспомнить, будет, будет, будет...

Брат вспомнит все, чего ему обещали не делать. Никогда не делать.

— Милая! — зовут наглуую пигалицу в зеленой тунике, но она уже не ответит.

Улыбаясь мерзкому солнцу и мерзкому небу, он вскидывает руки выше и, когда первые тела — сразу шесть или семь — взмывают над песком, лениво поворачивает кисти. По часо-

ПРОЛОГ

вой стрелке. Против. По. Против. Будто выжимая мокрую ткань. Хрусть-хрусть. Пока не прекратятся последние крики.

Никогда еще он не слышал такого славного треска костей. Приятный звук. Намного приятнее торжественной песни горнов-раковин. Тех горнов-раковин, что отняли все. Тех горнов-раковин, с которыми *она*, победоносно улыбаясь, склонила голову, чтобы на нее надели венец.

На песок падают новые и новые паучки, горячие и красные, куда крупнее первых.

Скала смотрит. Ей нравится это зрелище.

Часть 1

ПРАВИЛА ВОЛШЕБНИКОВ

- *Смотри, какой красивый сад
алеет там, вдали.*
- *Мне дела до чужих садов нет, я тоскую
по своему.*
- Как был он свеж, душист и зелен.*
- *Так отчего не плачешь ты? Как гордо ты глядишь...*
- *Не плачу оттого, что и по мне не плачут.*
- Не страшно мне, и там, где слышат Вой иные,
я слышу Песню.*
- Песню мстительного гнева.*
- *Кто пел ее в падении тебе?*
- *Тьма безголовая, и кажется, что... ты?*
- Я будто знаю. Будто вспоминаю. Тебя. А не случилось ли
тебе гулять в моем саду?*
- *И до того, как он твоим стал.*
- Дай мне руку.*
- Узнай меня.*
- *Не верю...*

Орфо ЧУДОВИЩЕ

Не убивать его. Только не убивать.

Я не выпускаю мысль из головы, даже когда в уши врезается лязгающий скрежет торакса¹. Когти сминают его — черно-багровые, жесткие, каждый с мой палец длиной. Пять глубоких царапин медленно, но верно раскраивают узорчатую сталь; от моих ребер когти отделяет, скорее всего, тончайший, не толще волосинки, слой уцелевшего металла, да еще слой одежды. Даже сквозь них я, кажется, чувствую иномирный холод — озноб продирает до онемения, щупальцами обвивает тело. А может, не кажется: почему еще я, распростертая на спине и выронившая меч, никак не вернусь? По позвоночнику словно ползают ледяные жуки.

Монстр Преисподней — освеженный до мышц и костей, широкоплечий и похожий на обугленного, начавшего уже гнить атланта — склоняется ниже, скаля серые зубы на серых же остатках лица. Глаза в рваных лоскутах век полны красного света — и секунды три я трачу на схватку с другой мыслью. Как больно в них смотреть.

Не потому, что они жгут все тем же холодом. И не потому, что в них желание выгрызть мне лицо, а затем уже в спокойной обстановке дожрать остальное, включая, возможно, мою одежду, мои сапоги и моего кота, если этот мелкий паразит сглотит и вернется.

¹ Т о р а к с — античный корпусный доспех.

А потому что я помню эти глаза другими.

Секунды три. Больше нет. Монстр, зарывав до дрожи в каменных сводах, молниеносно подается вплотную — действительно собирается впиться зубами в мои щеки и нос. Воздух из его пасти ничем не пахнет, но таящиеся в дыхании осколки льда режут скулы, попадают в глаза.

Попалась.

Я, завопив, все же изворачиваюсь — и откатываюсь вбок, скинув его холодную тушу. Торакс лопается прямо на мне, сразу в нескольких местах: и там, где когти в него впились, и там, где металл слишком терся о камень, по которому меня успели повалить. Низкие температуры многое делают хрупче, меня же предупреждали... Зато я хитрююсь вскочить и снова схватить оружие.

Следующий удар когтей приходится на запевший и заискривший серебром клинок — Финни, моя выкованная богом Фестусом верная подруга, готова крушить, ей-то холода не страшны. Но увидев в который раз вторую руку Монстра — серую, тонкую, болезненно нелепую руку с одиноким ободком бирюзового кольца на мизинце, — я снова отступаю, теряю запал и, пропустив удар в лицо, отлетаю к стене. Финни возмущенно звенит, но другой звук хуже.

Слабая.

Что-то в моей голове, под страдальческий хруст позвоночника.

Ты пропала.

Это громче — когда я падаю.

Монстр оказывается рядом в ту же секунду, когтями поднимает меня за горло. Хватка, вероятно, сдирает с моей шеи немало кожи, глаза застыли слезы. На миг красная лоскутная боль ослепляет, и пальцы опять выпускают Финни. Хриплю, впустую дергаю ногами, но, на счастье, меня швырнули в крайне удачном месте, где достаточно сталактитов, — а у меня пока достаточно сил, чтобы, отломав один, использовать его как дубину, прямо на этой склизкой, покрытой

Часть 1. Правила волшебников

ожогами и шрамами голове. Под новый рев камень рассыпается в крошку. Но я вновь оказываюсь на полу.

Шею разрывает, кости омерзительно ноют: устали от злощастной пещеры. Заставляю себя не щупать глотку, вообще ни на что не тратить время — только два действия: схватить оружие и отпрыгнуть как можно дальше. Монстр не успевает за мной: видимо, отвык от того, как двигаются люди; в Подземье все немного медленнее — по крайней мере, по его жителям так кажется. Он бьет когтями камень там, где еще недавно была моя голова. Но я уже в пяти шагах.

— Эй, эй! — зову, подпрыгнув. Мой рассудок, конечно, не в восторге от подобной смелости, но выбора нет, и я снова встречаю пылающий взгляд. — Я бешу тебя, да, да? За мной!

Он кидается — я убегаю, оскальзываясь на влажных булыжниках. Мне нужно совсем в другую часть этого огромного, темного, как задница морского змея, пространства. Красные кристаллы, местами растущие из потолка и пола вперемешку со сталактитами и сталагмитами, не помогают, света все равно маловато, полагаться приходится на память. Так, вот тут я вошла — и в этот коридор могла бы выбежать. Тут мы столкнулись, тут сшиблись — а там я упала в первый раз, стесав ладони о шершавые камни. Упала неудачно, настолько, что...

— Эй, эй! — Падаю снова, там же, и одновременно разворачиваюсь. В этот раз Финни я бросаю сама, а вместо ее успокаивающе прохладной рукояти пальцы смыкаются на кажущемся очень хлипким деревянном древке, дергают его с пола вверх. — Помнишь? Получай!

Мышцы плеча отзываются болью, но это другая, почти приятная боль: наконец-то! Монстр кидается на меня мигом, и все же змея хлыста быстрее — рассекает влажную затхлость воздуха грозным свистом, глуша даже рык. Щелчок у самых глаз — Монстр замирает в странной полусогнутой позе, с безумной гримасой на том, что могло бы быть лицом. Второй щелчок — и ремень хлестко обматывается вокруг костлявого горла, в два оборота. Сплетенные жгуты вспыхивают таким

же красным сиянием, как эти яростные глаза. И петля затягивается сама.

Как всегда.

— Помнишь? — шепчу я. Дергаю легонько, но Монстр тут же падает на колени, будто ему подрубили ноги. — Да... Неприятно. Сюда, сюда.

Воздух заканчивается быстро; Монстр хрипит, пристально глядя в ответ. Холод от него я чувствую даже через разделяющие нас четыре шага, особенно когда из серо-черной груди, не то заросшей кровавыми лишайниками, не то теряющей ошметки кожи так же, как лицо, вырываются рваные булькающие сипы. Попытки вздохнуть. Хлыст медленно, но верно делает каждую все труднее, ведь он сам знает, когда хватит, точно так же, как знаю это я.

— Ирония, правда? — Пальцы похрустывают: древко я невольно сжала крепче. Но вовсе не потому, что боюсь упустить добычу.

Пару раз Монстр дергается, пока его не парализует; пару раз поднимает руки, пытаясь порвать плетеный ремень, — но обжигается предупреждающим красным огнем. На камнях у моих ног злорадно звенит Финни: она сегодня не попробовала крови, но все равно чувствует себя причастной к победе. А вот я уже не чувствую ничего.

Не убивать его. Только не убивать. Голова кружится, лицо в поту, из рассеченной губы и носа идет кровь. Колени ощущаются скорее как разбитые яичные скорлупки; спина и шея просто горят, будто мне напихали за ворот углей. Смотреть на валяющийся искореженным шматом торакс страшно, особенно если вообразить, что в нем могла застрять я — получился бы горячий ужин в некоем подобии железной банки. Но я повторяю это про себя снова и снова, не то как заклинание, не то как молитву.

Не убивать. По крайней мере, пока есть надежда, что он помнит.

Если он не помнит, я обречена.

Его глаза закрываются. Он падает к моим ногам.

ПРИНЦЕССА

Наш мир устроен очень просто: слушайся богов Святой Горы – и с тобой ничего не случится. Боги, скорее всего, не дадут оступиться, ты только не зли их и не огорчай. Тогда тебя ждут удача, благоденствие, просветление. И много всего приятного в довесок.

Правила богов запомнит и ребенок: не воруй у них, не дерзи им. Клади мертвецам монетки на глаза, нарекай свой меч женским именем, если ты женщина, и мужским, если мужчина. Не ешь гранаты с земли, не мучай лягушек, загадывай желания звездам только про себя. Не превосходи богов в каком-либо мастерстве. Не засиживайся на троне больше двадцати лет. Не повезло родиться *волшебником* – просто смирись, что не проживешь долго, а пока жив, делай что должен. Принадлежишь к другому *демосу* – странникам, ломателям, изыскателям, целителям, любому, – возблагодари судьбу; не мечен вовсе – возблагодари стократ, ведь это освободит тебя от ожиданий. И дальше, дальше, дальше.

Правила записываются: мы вносим их в своды сразу, как постигаем. А иногда боги столь щедры, что сообщают нам о новых правилах сами. Правда, такое в последний раз было поколений десять-двенадцать назад: тогда они как раз прокляли все наши регалии и старым тиранам пришлось срочно искать преемников. Остальные же мы открываем случайно. Раз за разом.

Я всегда ненавидела правила. Потому что родилась одной из тех, кому отказали в долгой жизни. Принцесса Орфо Каператис. Волшебница.

Я хорошо помню, как самое первое правило: «Дочь наша, ты особенная, и тебе будет непросто» – ворвалось в мою жизнь. Мне было семь, мы с родителями ужинали в бухте, и я побежала по берегу за старшим братом Лином, требуя отдать последнюю вымазанную в меду и козьем сыре лепешку. Лину недавно исполнилось десять, он бегал намного быстрее

